

Мастера культуры

РАЗГОВОР У МОЛЬБЕРТА

МЫ ВДВОЕМ в мастерской. Впрочем, нет, не вдвоем. Прямо передо мной сидит солдат. Немало прошагавший по дорогам войны, сполна хлебнувший фронтового лиха. Он поставил свой автомат у ног и ласково улыбается в усы, глядя на бесприютного, оборванного мальчонку, жадно уплетающего кашу из солдатского котелка. Вместо стола ему — ящик из-под снарядов. Войне еще длиться и длиться. Впереди еще такое... Но вот он, коротенький миг счастья: солдат, истосковавшийся по дому, по мирной жизни, кормит своим пайком случайно подвернувшегося мальчонку. Может, у него точно такой же где-то, а может, и нет. Не успел. Успеет ли? Вернется ли живым домой? Никто этого не знает, никто. Но зато мы видим, как ему, солдату, сейчас хорошо, как он счастлив. И хочется вместе с ним улыбнуться этому, пусть хрупкому, пусть ненадежному, случайному, мимолетному, но все-таки счастью...

Так я понял эту картину, так воспринял. Может, кто-то поймет по-другому, увидит что-то свое, что-то не так, но вот безразличным солдат не оставит никого. Его добрая улыбка согреет каждого.

Над этой картиной Николай Петрович Величко работал всего два дня. Это невероятно мало. Над другой, к примеру, он работает вот уже десять лет. О ней мы еще поговорим, а пока вернемся к «Солдату».

«Лег на душу...» Ах, как знакомо это солнечное состояние всем, кто занят творчеством. Совершенно непонятный, необъяснимый, неуловимый и непредсказуемый взлет, всплеск (а может, даже взрыв?) возвышенного, ясного, светлого, легкого... Когда не хочешь ни есть, ни спать... Когда не можешь даже на миг оторваться от холста, от листа, боишься остановиться, отвлечься, забыть... всем на свете, не видишь и не слышишь никого, а только работаешь, работаешь, работаешь... Свободно и легко, радостно и страстно.

Вдохновение? Да! Но что это такое? Когда оно приходит и когда уходит? Почему уходит и надолго ли? Как его вернуть, если очень-очень надо?

Все эти вопросы, увы, не имеют ответа. Они из разряда тех, что признаны вечными: что такое любовь, что такое счастье?

Теперь о картине, которой отдано десять лет. «Если бы женщины всей Земли...» — так она условно называется.

Ветвь мира в руках женщины разных стран и континентов. Вечный огонь памяти...

Я видел на стендах с десятком вариантов этой картины, каждый из которых

закончен и мог бы быть выставлен, но ни один из этого десятка не увидел зритель — не найден последний штрих.

В самом первом варианте на полотне женщинам было тесно — чуть ли не пятьдесят человек «поселились» на холсте. И это ведь не просто тени, а образы, характеры, этнографические нюансы. Каждая в отдельности выпи-

табуретку. Добротно сработать картину нельзя. Одного усердия и умения тут мало. Тайна творчества — она ведь не только для окружающих, но порою и для самого художника тоже.

— Иногда посмотришь на готовую картину и сам же удивляешься: как это я смог? — вслух размышляет Величко. — Как появляется

просто гуляю по проспекту Гагарина, то все равно работаю. Все, что вижу вокруг, запоминается, прорабатывается, раскладывается по «полочкам».

— А вот сейчас вы со мной битых три часа сидите — отдыхаете или работаете?

Он молча взял лист бумаги, карандаш и за десять минут написал мой портрет. Не

стран в Москве были выставлены его тематические подборы: «По Испании», «По Индии», «По Болгарии».

— Вот так притащишь стопку, а она весит пятнадцать килограммов, и думаешь: когда я столько успею сделать? — рассказывает Николай Петрович. — Бывали случаи, что карандаш испускал до малюсенького огрызка, в руках не держится, а глаз хватает все и руки тянутся к листу...

Однако мы отвлеклись. А я ведь еще ничего не сказал о Ленине... В кноте отзывов о выставке читаю запись, сделанную космонавтом Ю. Н. Глазковым:

«...Вы сумели передать живой образ великого вождя. И сумели это сделать блестяще! Спасибо вам, Николай Петрович».

Коллегия Министерства культуры СССР отобрала десять работ заслуженного художника РСФСР Н. П. Величко для Центрального музея В. И. Ленина.

И еще одна запись из книги отзывов: «...Ваши акварели, Николай Петрович, производят глубокое впечатление. Вы мастерски владеете акварелью».

Эту запись сделал большой мастер акварели А. Михайлов, заслуженный деятель искусств РСФСР.

— Так кто же вы, Николай Петрович, — график, пейзажист, монументалист?

— Художник. Вот, думаю, пятьдесят лет отпраздную, возьму стульчик — и на Откос пейзажи писать. Но вот уже три года прошло после пятидесяти, а до заветного так дело и не дошло.

— Жалеете?

— Не о чем жалеть, — улынулся Николай Петрович. — Да и некогда. Работать нужно. Да и Володька в большое искусство пошел... «Володька» — это Владимир Николаевич Величко, с отличием закончивший Горьковское художественное училище и графический факультет Харьковского государственного художественного института.

Сейчас Володя готовится к «Большой Волге» — выставке художников волжских городов, которая пройдет в Чебоксарах и будет посвящена 40-летию Победы.

— У Володи хорошие работы, он со мной уже выставлялся в ГДР, и его картины не остались незамеченными.

...Я ухожу из мастерской, где рядышком стоят два мольберта, а на них — чистые холсты. Один — Николай Петрович Величко, другой — Владимира Величко, двух ищущих, интересных художников. Отца и сына.

В. ТАТАРИНЦЕВ.

НА СНИМКЕ: отец и сын Величко у себя в мастерской.

Фото Б. РОМАШИНА.

сана так, будто она единственная. Потом был второй вариант, третий, четвертый, пятый... И каждый — до законченности! Подумайте только: какой колоссальный труд во славу поиска!

Теперь персонажей осталось семь. Они значительно укрупнены и «отшлифованы» до предела. Центральная фигура — русская женщина: красивая, строгая, задумчиво-серьезная.

Последний ли это вариант? Трудно сказать. Николаю Петровичу все кажется, что он где-то что-то «потерял», но что именно и где? А может, ему просто кажется? Вы думаете, художник что-нибудь определенно, стопроцентно точно знает? Нет! Тогда бы он был прагматиком, а он ведь художник. Он может только догадываться и чувствовать. Ну как тут не вспомнить поэта Андрея Вознесенского, удивительно точно сказавшего однажды: «Стихи не пишутся, они случаются...» Вот так же и картины настоящие — они случаются. Добротно можно сработать

образ, откуда он берется, где его найти и когда это лучше сделать: утром, ночью или перед сном? Известно ведь, что Суриков «поймал» образ боярыни Морозовой в пролетающей мимо вороне. Не попадись ему тогда на глаза эта ворона, еще неизвестно, какой бы мы потом увидели боярыню и увидели ли бы вообще. Меня вот часто спрашивают: «Как ты это сделал?» И я всегда честно отвечаю: «Не знаю». Я и в самом деле не знаю. Вы мне верите?

— Верю, Николай Петрович, верю, но давайте поговорим о чем-нибудь попроще. Ну вот, к примеру, когда у вас рабочий день начинается и когда заканчивается?

— Вопрос в самом деле простой. — весело улыбнулся Величко. — Но я снова скажу: не знаю...

— А что же вы тогда знаете?

— Я знаю, что никогда не отдыхаю. Хотите верить, хотите нет, но если я даже сижу в театре или в кругу друзей за чашкой кофе, да

мне судить о мастерстве художника, но свой собственный портрет могу же я оценить: здорово! По-моему, схвачено главное.

— Вы всегда так быстро рисуете?

— Это я ответил на ваш вопрос: то, что я сделал за десять минут, «собирал» три часа.

Но я так думаю, что и без этого длительного «сбора» Николай Петрович не ударил бы лицом в грязь. Однажды в Париже он сделал моментальные зарисовки членов Французской коммунистической партии, да так здорово, что вынужден был распрощаться с двадцатью листами. Стоило ему на минуту отвлечься, как все они оказались на руках. Благодарные герои выстроились в очередь за автографом.

Из зарубежных поездок, а Николай Петрович объездил чуть ли не полмира, он привозит такое количество зарисовок, что можно сразу же открывать персональную выставку. Что он иногда и делает. Так, в Доме дружбы с народами зарубежных